

ISOLATION

КНИГА ПЕРВАЯ

СТЕПАН ВОКУЕВ

18+

Степан Вокуев

ISOLATION: Книга первая

<https://litres.ru/74593558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смертельная болезнь, вызываемая мутировавшим видом борщевика, привела к вымиранию человечества и переселению уцелевших в безопасные поселения. Государства пали, а люди вынуждены жить в изоляции.

Аня, молодая девушка, пережившая страшную трагедию, волею судьбы оказывается втянута во мрачную историю, которая отняла у неё самое ценное. Теперь же ей предстоит собрать себя с нуля и научиться жить с тем, что произошло, ответив на вопрос: лучше помнить всё или не помнить вообще ничего?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

ISOLATION: Книга первая

Глава

I

«Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к изменениям.»

Чарльз Дарвин

На кухне что-то с грохотом рухнуло.

Аня резко вздрогнула, дёрнулась и в ту же секунду открыла глаза. Тусклый свет от единственной лампочки, свисавшей с потолка на толстом кабеле, на пару мгновений ослепил её.

У столешницы торчал её сосед по общежитию, Максим, который виновато смотрел на неё.

— Максим, ну мать твою... — раздосадованно сказала Аня, чувствуя, как последние остатки беспокойного сна улетучиваются в продуваемое окно.

— Прости-прости, я правда случайно... — выпалил тот.

Девушка махнула рукой. Ни сил, ни желания ругаться у неё не нашлось.

На календаре, красовавшемся над раковиной, чёрным перманентным маркером было выделено восемнадцатое декабря – день экзамена. Её взгляд неожиданно словно прилип к этой дате. Максим присмотрелся к тетради, лежавшей

у ног Ани, и скользнул взглядом по странице – *Clostridium difficile*, *C. perfringens*... – названия звучали как заклинания из старых книг.

— Ты вообще спишь нормально? — спросил он.

Аня растерянно посмотрела на стол.

— Сплю. Сейчас же вот спала.

Максим фыркнул.

— От работы, Аня, конидохнут, — назидательно сказал он и щёлкнул чайником. — Тебе две или три ложки сахара?

Девушка, с сожалением прощаясь с объятиями Морфея, потянулась. Лишь когда Максим смахнул с её лица прядь волос, а перед ней оказалась её белая кружка со сколами на ручке – уже с тремя ложками сахара, уже с пакетиком чёрного чая, уже чуть остывшая, чтобы не обжигаться, – Аня моргнула и вернулась на кухню, так и не поняв, когда он успел заварить чай.

— Три, — тихо сказала девушка.

Порывшись в шкафу, Максим молча поставил перед ней пачку с овсяным печеньем. Красноречиво посмотрев на девушку и дождавшись, когда та возьмёт в руки первый кусочек, парень ногой открыл шкаф и достал оттуда огромную кастрюлю.

Аня с плохо скрываемым интересом следила за его движениями.

О стенки раковины и грязные тарелки, стоявшие в ней с утра, ударилась слабая струя воды. Недовольно цокнув, Мак-

сим подставил под неё кастрюлю, терпеливо дожидаясь, когда она наполнится хотя бы наполовину.

— Подожди, а который час? — задала вопрос Аня, наконец-то заметив, что на улице не осталось никаких намёков на солнечный свет.

— Около одиннадцати, — не раздумывая ответил Максим, всё ещё дожидаясь заполнения кастрюли.

— Вечера?

— Вечера.

Аня тихо ругнулась и откусила печенье. У неё во рту оно начало крошиться, а сладкий чай лишь размягчил его.

Максим поставил кастрюлю на конфорку небольшой газовой плиты и щёлкнул ручкой. Голубоватый цветок газа вспыхнул неохотно. Постояв так у плиты несколько секунд, парень лениво зевнул и взглянул в окно.

На улице шёл густой снегопад. Крупные хлопья падали медленно, никуда не торопясь, зная, что всё равно всех накроют белым покрывалом. На площади, которая когда-то была круговым перекрёстком, играли дети.

Снега в этом году было много.

Максим рассеянно смотрел на фигурки коммунальщиков, которые без особых успехов пытались бороться со стремительно растущими сугробами. Снег лежал неровно, а высота таких снежных дюн порой достигала роста двух взрослых людей. Работающих автомобилей в карантинном округе давно не было — разве что изредка проезжали броневики внут-

ренного патруля.

Дети резвились, бегали кругами, утопая в снегу по пояс. Кто-то тащил за собой самодельные сани, собранные, кажется, из досок и старых водопроводных труб; а кто-то упорно пытался слепить снежную крепость.

Вода недовольно булькнула.

Максим оторвался от наблюдения и убавил огонь.

Парень достал из грязно-белого урчащего холодильника кусок докторской колбасы.

Желудок Ани заинтересованно издал голодный звук. Максим, усмехнувшись, отрезал кусок и протянул его девушке. Она с несколько смущённым видом взяла его.

Колбаса оказалась свежей, чуть липкой на срезе. Девушка на несколько мгновений задумалась, размышляя, можно ли есть такое на ночь, но, мысленно махнув рукой на внутренний голос, откусила солоноватый кусочек.

За окном раздался громкий звук двигателя, а внутри квартиры всё завибрировало. Максим ухватился за кастрюлю, явно намеревавшуюся совершить побег с конфорки.

На улице восторженно завопили дети. Аня забралась на подоконник и прильнула лбом к холодному окну, продолжая жевать колбасу. По широкому проспекту медленно проезжал броневик, уверенно пробираясь через высокие сугробы, совершенно не обращая на них внимания. На корпусе сидели солдаты – бойцы внутреннего патруля. У двоих поверх шлема были натянуты новогодние шапки, выглядевшие совсем

уж несуразно.

Новый год был одним из немногих праздников, которые пережили блэкаут. В условиях постоянной тревоги и страха за будущее народу потребовалось верить хоть во что-то хорошее. Например, в следующий год, который обязательно будет лучше предыдущего.

Будет же, да?

Допив чай и с долей сожаления проглотив последний кусок колбасы, Аня резко прыгнула с подоконника и отправилась в ванную комнату.

Чуть не поскользнувшись на вечно влажной плитке, Аня оказалась около грязного зеркала. По-хорошему, его бы помыть... да только вот руки никак не доходили.

Аня взглянула в зеркало.

Оттуда на неё смотрела молодая девушка, на вид лет семнадцати, с миндалевидными карими глазами; длинными тёмно-каштановыми волосами; правильным аккуратным носом и изящным подбородком. Смахнув со лба непослушную прядь, которая вечно норовила слезть на глаза, девушка открыла кран.

На старую грязную раковину упали тяжёлые капли. Ещё немного – и в слив потёк небольшой ручеёк. Зачерпнув в ладонь немного прохладной воды, Аня умылась.

Девушка сильно отличалась от своих сверстников. Худая, но с удивительно гладкой светлой кожей и густыми волосами, она казалась слишком живой для этого серого мира. Её

мягкие, почти фарфоровые черты лица и большие карие глаза выделяли её намного сильнее, чем ей этого бы хотелось. И хотя она сама родилась во Владивостоке, Аня ощущала свою непохожесть и странные, задерживающиеся взгляды парней в учебном центре.

Взрослые в её адрес часто говорили, что ей повезло застать время до блэкаута, когда солнце согревало землю и была возможность поехать куда угодно. Сама Аня, привирая, почти всегда говорила, что не помнит ничего с тех времён, даже ощущение тепла от светила. Массивные стены Западного карантинного округа стали для неё совсем родными. В отличие от большинства своих ровесников, Аня никогда не пыталась поймать в редких просветах тяжёлых и вечно серых облаков лучи солнца – считала это лишним поводом расстроиться.

Холодная вода потихоньку вымывала из мозга остатки сна.

Перед глазами возник образ холодной квартиры.

За почти восемь лет Аня уже успела многое забыть. Много она знала только от своего опекуна – полковника Желанова, который взял её под своё крыло после того, как её отец погиб на одной из операций на юге города.

Девушка до сих пор смутно помнила то утро, когда она проснулась то ли от холода в квартире, то ли от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь. Завернувшись в тёплое одеяло, Аня открыла её и с удивлением для себя обнаружила

полковника Желанова и двух крепких солдат. Спросив, дома ли отец, и получив в ответ пожатие плечами, незванные гости прошли внутрь.

Желанов отвёл девочку на кухню и опустился на колени, еле сдерживая эмоции. Двое бравых солдат, не получивших внятного приказа и проследовавших за командиром, предпочли сделать вид, что их очень интересуют подробности ремонта квартиры Коршуновых.

Никто не знал, как — да и не хотел — сообщать маленькой Ане о том, что её отец был жестоко убит на юге Владивостока, а у командования нет даже возможности забрать его тело, чтобы похоронить по-человечески.

Девушка помотала головой.

Вытерев лицо полотенцем, от которого пахло смесью сырости и чего-то домашнего, она вернулась на кухню. Максим к тому времени уже успел положить в кипящую воду куриную ножку и добавить к ней специй, аромат которых ненавязчиво распространялся по всей квартире.

Заметив Аню, он повернулся к ней и дотянулся рукой, подтягивая её к плите. Не прошло и секунды, как перед её лицом оказалась ложка с горячим бульоном. Желудок от предвкушения сжался и довольно заурчал.

— Какой ты нехороший человек, — жалобным голосом пошутила Аня, оценивающе смотря на ложку. — Искушаешь меня вкусными бульонами на ночь глядя...

— Ничего страшного, ты ни хрена не ешь у меня, от ложки

ничего не будет.

Девушка выпила бульон и почувствовала, как по телу распространяется живительное тепло.

Парень довольно хмыкнул, положил ложку на полотенце для рук и накрыл кастрюлю крышкой, оставив небольшой зазор. Огонь он убавил почти до минимума. Постояв несколько секунд, вслушиваясь в тихое ворчание бульона, он направился в комнату.

Общежитие занимало один из типовых домов конца восьмидесятых – девяностых годов прошлого столетия. Таких тогда строили десятками, если не сотнями. Внутри всё давно потеряло свой первозданный вид: краска на стенах уже почти вся отпала; местами обои вздулись. В коридорах и особенно на лестничных клетках запах мороза смешивался с отвратительным запахом влажной пыли.

Когда шаги Максима затихли, Аня, гревшаяся у плиты, вышла в узкий коридор. Лампочка здесь давно не работала, и ни у кого из жильцов квартиры руки никак не доходили её починить. В полумраке коридора предметы выглядели несколько зловеще.

Максим лежал на кровати в комнате, рассматривая потолок. В комнате царил приятный полумрак, создаваемый самодельной лампой в форме дерева – подарком Максима на прошлый Новый год – и ночным светом луны, слабо пробивавшимся через тяжёлые облака.

Девушка подошла к нему и легла рядом. Максим лениво

повернул голову и подвинулся, освобождая место на кровати. Кровать тихо скрипнула.

Аня осторожно вытянула ноги и уткнулась взглядом в потолок. От лампы по нему разбегались желтоватые блики, похожие на переплетения ветвей. Свет немного дрожал – то ли от вибраций с улицы, то ли от небольшого сквозняка. Старый блок питания недовольно пищал.

Из кухни доносилось бульканье бульона. Максим приподнялся на локтях и бросил взгляд на китайские электронные часы, стоявшие на письменном столе. Цифры лениво сменились на следующую минуту. Парень некоторое время всматривался в них, словно что-то прикидывал, и, негромко цокнув языком, осторожно спустил ноги с кровати.

Матрас облегчённо вздохнул.

Максим нащупал тапки и поднялся, стараясь не раскачивать кровать. Задержавшись на секунду и прислушавшись к звукам квартиры, он отправился на кухню, укрыв Аню одеялом. Та благодарно моргнула.

Шаги Максима стали отдаляться. Паркет под ним недовольно скрипел. Через несколько мгновений с кухни донёсся шум от посуды.

Ещё немного – и до комнаты докатился запах тёплого, чуть пряного бульона. Аня глубже втянула воздух и подтянула одеяло к подбородку. Ткань приятно царапала кожу. Внутри подушки перекатывался сбившийся комок наполнителя, и девушка машинально поправила его, устраиваясь по-

удобнее.

С кухни донеслось какое-то бормотание, изредка прерывавшееся то радиопомехами, то комментариями Максима, то звяканием кастрюли и половника.

Аня моргнула.

В глаза ударил яркий солнечный свет.

Крепко сжав веки, Аня протёрла глаза. Перед ней стояла «Цессна» — легкомоторный самолёт, из тех, на которых учат будущих пилотов. Рядом с ней стоял пацан лет пятнадцати.

— Ну, чего застыли, экипаж? Занимайте места, — сказал низкий мужской голос. Девочка подняла глаза и увидела слева от себя высокого мужчину лет сорока с рюкзаком на правом плече. Прихрамывая на левую ногу, он добрался до самолёта и помог детям забраться внутрь.

Металлическая ступенька была нагрета летним солнцем. Аня осторожно ступила на неё, чувствуя, как тепло просачивается через подошву кроссовок. От корпуса пахло смесью разогретого алюминия, едва уловимым ароматом керосина и... чистоты?

Пацан уже забрался внутрь и, перегнувшись через спинку кресла, нетерпеливо помахал рукой:

— Ань, давай быстрее!

Ей ничего не оставалось, кроме как показать язык.

Мужчина придержал её за локоть, помогая забраться внутрь и устроиться на пассажирском кресле, затем – привычным движением застегнул ремень безопасности.

— Не давит?

— Не-а, — сказала девочка, хотя ремень неприятно упирался в живот.

Тот кивнул и захлопнул дверь, отрезав кабину от шума аэропорта. Внутри сразу стало тише. Мужчина обошёл самолёт, осмотрел его и, оставшись довольным его состоянием, сел за место пилота. Надев гарнитуру и что-то потыкав на приборной панели, он сказал:

— Кневичи-Руление, RA-71005, доброе утро.

— RA-71005, Кневичи-Руление, доброе.

— Кневичи-Руление, RA-71005, стоянка частного сектора, «Альфа», запрашиваем разрешение на запуск и руление.

Эфир на секунду замолчал, а затем раздался уверенный голос диспетчера:

— RA-71005, Кневичи-Руление, запуск разрешаю, давление QFE семь-пять-шесть миллиметров, руление на предварительный полосы ноль-семь через рулѐжную «Браво».

— Запуск разрешили, давление семь-пять-шесть, руление через «Браво», предварительный ноль-семь, RA-71005.

Мужчина отпустил кнопку и приступил к запуску. Двигатель покряхтел, словно просыпаясь, и низко заурчал, разгоняясь. Ещё немного – и он ожил ровным густым гулом.

Самолёт слегка завибрировал. Пилот выставил приборы и показатели, проверил данные и снова потянулся к передатчику.

— Кневичи-Руление, РА-71005, запуск завершён, готовы к рулению.

— РА-71005, Кневичи-Руление, руление разрешаю, сообщить по достижении предварительного.

— Руление разрешили, сообщим по достижении предварительного, РА-71005.

Мужчина уверенно схватился за штурвал и принялся выруливать по бетонной поверхности аэродрома. «Цессна» легко развернулась, шины едва слышно зашумели. Аня прижалась виском к нагретому стеклу. Снаружи мелькали жёлтые полосы рулёжных дорожек, флагманский «Аэробус» Аэрофлота и мелкие самолёты Авроры. Рядом с ними суетились работники наземных служб аэропорта, заправляя, чистя салон и загружая пассажиров и грузы в них.

— Па, а почему он белый? — спросил парень на переднем кресле.

— Аэрофлота?

— Ага.

— Это их новый самолёт. Они им новую ливрею придумали. Говорят, хотят все самолёты в белый перекрасить, — ответил мужчина, взглядываясь в заходящий на посадку самолёт.

Не прошло и двух минут, как они стояли на рулёжной

дорожке перед взлётно-посадочной полосой.

— Кневичи-Руление, РА-71005, на предварительном ноль-семь, к взлёту готовы.

— РА-71005, Кневичи-Руление, ожидайте, заходит на посадку китайский семьсот тридцать седьмой, Air China, номер девятьсот шесть.

Отец кивнул сам себе и крепко поставил ногу на педаль тормоза. Самолёт продолжал мерно гудеть и вибрировать. Парень рядом с ним восторженно следил за приближающимся пассажирским лайнером. Белый силуэт с красной полосой в хвостовой части. Лайнер снижался медленно, словно совсем не желая касаться бетонной полосы. Его шасси уже были выпущены, а закрылки торчали, как растопыренные пальцы. Гул его двигателей на посадке был совсем другой, не похожий на тот, что слышен при взлёте: тяжёлый, словно уставший от полёта.

Пацан вытянул шею.

— Из Пекина?

— Скорее всего.

Лайнер пролетел мимо «Цесны» и мягко коснулся полосы. Едва заметный дым от шин тут же растаял в тёплом воздухе. Ещё пара секунд – и до них донёсся рёв включившегося реверса. Отец выдержал ровно пятнадцать секунд – чтобы большой брат откатился от рулёжки на безопасное расстояние.

— Кневичи-Руление, РА-71005, китайцы ушли, повторно

запрашиваем взлёт.

— РА-71005, Кневичи-Руление, ветер два-семь-ноль, шесть метров с порывами до девяти. Полоса ноль-семь свободна, взлёт разрешаю. Доложить по прохождении трёх тысяч футов.

— Взлёт разрешён, доложим по прохождении трёх тысяч. РА-71005.

«Цессна» неспешно выехала на полосу. Китайский «Бонг» уже успел освободить её и двигался к перрону.

Самолёт сначала легонько тронулся и начал набирать скорость. Двигатель взревел, словно внутри самолёта проснулся зверь. Ещё немного – и отец поставил ручку газа на взлётный режим, и тогда тот взвыл по-настоящему – высокий, злой звук, уши от которого закладывало даже через гарнитуру. «Цессна» разгонялась по центру полосы.

Отец потянул штурвал на себя. Самолёт сначала неохотно оторвался от полосы, но потом уверенно стал набирать высоту, словно вспомнив всю прелесть полётов. Земля вдруг стала отдаляться с пугающей скоростью. И даже гигантский «Аэробус» Аэрофлота в мгновение превратился лишь в белую игрушку на серо-зелёном поле.

Они были в воздухе.

Убрав закрылки и уменьшив угол атаки, отец чуть сбавил мощность двигателя. Кабина наполнилась уютной тишиной, нарушаемой лишь мерным гулом.

Аня моргнула.

Дневной свет от дальневосточного солнца, скрытого за тяжёлыми облаками, разливался по стене с незамысловатым узором обоев, прерывавшимся постером известной британской рок-группы. За окном чувствовался мороз, но не из тех, что злобно скрипят под ногами, а тот, при котором снег, скорее, поёт тихонько.

Девушка потянулась, чувствуя, как одеяло цепляется за шерстяные носки, которые, видимо, ей натянул Максим. В комнате стоял слабый запах свежего бульона и местного чая, который и чаем-то назвать можно лишь с большой натяжкой.

Повернув голову, Аня увидела спящего рядом Максима. Уткнувшись носом в подушку, он умиротворённо сопел, а левая рука свесилась с кровати, чуть-чуть не доставая до пола. Часы на столе показывали половину первого.

— Макс! — окликнула его Аня. — Макс, твою мать! Ты работу проспал!

Опаздывать на работу в карантинном округе было строго запрещено: сразу же выписывался штраф, а факт опоздания заносился в личное дело. И упаси Боже вообще пропустить свою смену: там и выговоры, и отработки на внешнем периметре, и прочие «радости».

Аня попыталась заставить себя подняться с тёплой кровати, но её лень, сладко нащёптывавшая речи о прекрасных

снах и гедонизме, только усилилась.

Максим чавкнул.

— Сегодня какое число? — сказал он самым зашпанным голосом, который Аня только слышала.

— Восемнадцатое.

— Декабря?

— Вроде да.

Максим повернулся к столу и укрылся с таким усилием, будто его плед был сделан из листов бронированной стали.

— Значит, всё верно, — зевнул он. — Напомню: у тебя день рождения, а выходной я у куратора ещё в сентябре вымолил.

Аня слушала его, затаив дыхание.

— Потому собирайся, сдавай сегодня экзамен и потом пойдём праздновать в «Сизиф».

— Честно?

Карие глаза девушки распахнулись от удивления. Она, конечно, знала, что благодаря труду Максима они могут себе позволить жить на куда более высоком уровне, нежели их ровесники, но... «Сизиф»?

— Дорого же...

— Деньги будут моей заботой. А прогуляешь экзамен — я передумаю.

Не осталось сомнений: Максим с ней прощался, погружаясь в сон.

В аудитории было шумно. Подростки, которым в скором времени предстояло стать совершеннолетними и переступить рубеж, после которого абсолютно каждый будет считать, что они умеют и знают всё, изо всех сил старались запомнить то, что не успели выучить накануне. Аня же со скупающим видом перелистывала тетрадь, рассматривая до боли в глазах знакомые названия микроорганизмов, бактерий и вирусов.

Аня захлопнула тетрадь с таким усердием, будто закрывала армейский ящик. Рядом, через пару рядов, кто-то из однокурсников судорожно нашёптывал какие-то формулы и соединения, изредка тыкая пальцем в шпаргалки, спрятанные в рукаве свитера.

В аудиторию вошла преподавательница – немолодая женщина по фамилии Ким, которую за глаза студенты называли «Вирусом Ким».

— Всё электронное, если есть, живо на стол. Увижу – сразу на комиссию отправитесь. Тетради, учебники – всё тоже сюда. На столах должны остаться листок и ручка.

Студенты смиренно, один за другим, начали сдавать свои вещи. На столе преподавательницы быстро выросла гора из тетрадей и учебников, а рядом – совсем небольшая кучка из допотопных телефонов.

Аня откинулась на спинку стула. В голове у неё крутилось только одно слово, «Сизиф».

Не то чтобы она там никогда не была – пару раз заходила

днём, когда Максим брал её с собой. Днём бар был просто практически пустым помещением, которое непонятно как выживает – с местными-то налогами. А ночью... По слухам, это место превращалось в нечто иное – мол, только доверенные лица могут быть в этом заведении, а бармен знает каждого посетителя в лицо. Иногда, если очень повезёт, можно было даже услышать живые выступления местных музыкантов.

— Анна, вы заснули? — спросила Ким, проходя мимо девушки. Вернувшись к реальности, она неожиданно для себя увидела на столе семнадцать листов с вопросами, на которые ей предстояло ответить.

«1.1. Ответьте на вопрос: к какому семейству принадлежит возбудитель геморрагической лихорадки Эбола?»

а) Filoviridae

б) Flaviviridae

в) Rhabdoviridae

г) Arenaviridae»

Аня ткнула в «а» практически автоматически. Чем дальше – тем сложнее были вопросы, но девушка без особых проблем справлялась с ними. Она отвечала быстро – сказывались сотни часов, проведённые за письменным столом и тетрадь. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что улыбается уголком рта.

Прошло несколько часов, и свет от солнца за окном постепенно сменялся искусственным белым светом от «вечных»

газовых ламп сверху. Аня устала на последний блок вопросов. Она пробежала взглядом по странице с огромным условием задания и выдохнула.

Трое лаборантов, все из ботанико-микологического отдела, работавшие с новой партией семян этого мутировавшего борщевика... всего три дня назад.

Она машинально потёрла левый глаз.

Ускоренный переход ко второй стадии заболевания с атипичным поражением дыхательных путей... значит, мутировало?

Аня взглянула на предоставленные в условии результаты анализов и проб. Большая часть генетического материала – какая-то неизвестная, явно растительного происхождения. И никакого намёка на бактерии и вирусы. Зато есть белки, ответственные за прорастание семян и рост тканей.

Да, оно.

Или нет?

Девушка перелистнула страницу.

Чем этот штамм отличается от обычной болезни Дмитрия? Скоростью... быть может, ещё и агрессивностью, наверное. Ну и поражением лёгких – значит, передача аэрозольная. А раз так – карантин надо пересматривать.

Откинувшись на спинку стула, она закрыла глаза, выстраивая план действий. Первое – изолировать образцы этой партии. Потом – отправить их на эпидемконтроль в центральный банк. Ну и... наверное, провести расширенную молеку-

лярную диагностику.

Аня перечитала блок несколько раз, прежде чем смысл всех слов дошёл до неё. Она потёрла переносицу, и ей показалось, что в аудитории стало совсем тихо, словно все ждут от неё ответа. За окном стремительно темнело, и силуэты студентов стали отчётливо видны на стёклах.

Девушка провела ручкой по полю листа, не касаясь шариком бумаги. У неё не было сомнений ни про способы передачи – явно аэрозольный; ни про летальность – лаборанты имеют дело с атипичным поражением лёгких, вторая стадия наступила быстрее обычного, значит, и третья ждать не будет; автономный рост – классическое поведение семян при заражении.

Но как обосновать рост семян?

Немного подумав, девушка неуверенно притронулась ручкой к бумаге и принялась писать. Уверенности в своих словах у неё практически не было – равно как и не было ни одной лишней минуты на размышления.

Как только Аня поставила точку – Ким хлопнула в ладоши и приказала всем поднять руки, отпустив ручки. Встав, преподавательница лениво собрала работы, отслеживая, чтобы никто не пытался ничего дописать. Она перебирала работы медленно, а когда очередь дошла до Ани – пробежалась глазами по последним страницам. Хмыкнув, Ким проследовала дальше.

— Всё, все свободны, — сказала она, собрав каждую ра-

боту.

— А когда прийти за результатами? — раздался неуверенный голос из аудитории.

Ким задумалась.

— Недели через две вы всё равно не придёте же, да?.. Приходите после новогодних.

Аудитория стала стремительно пустеть. Студенты выходили небольшими группами, чаще по трое или четверо человек, реже – парами. Аня поспешила забрать свои вещи со стола Ким и уйти.

Массивная деревянная дверь закрылась за её спиной с глухим хлопком. В коридоре учебного центра пахло мокрыми тряпками, железом батарей и чем-то стерильно-медицинским. Замерев на секунду, словно прислушиваясь к зданию, Аня медленно спустилась по ступенькам в гардероб.

— Анна Денисовна! — неожиданно раздался знакомый юношеский голос. — Паспорт предъявите. Сегодня только по документам.

Аня подняла глаза и не смогла сдержать улыбки.

— Илья?

Парень вынырнул из-за стойки, отбросив с глаз непослушную прядь своих длинных тёмно-каштановых волос. Худой, в растянутом чёрном худи и с неизменным железным браслетом на левой руке – он выглядел всё так же, как и два года назад, когда они пересеклись на экзамене по химии.

— С днём рождения, Ань, — сказал он уже без шуток и

протянул ей аккуратно завернутый в плотную ткань свёрток, перевязанный небольшим куском тонкой медной проволоки.

Аня осторожно взяла его.

— С ума сошёл? Не надо было...

Внутри ткани оказался небольшой деревянный бокс, отполированный до мягкого тёплого блеска. На крышке красовался рисунок, выжженный паяльником: летящий самолёт над океаном, а сбоку – крошечная гравировка с датой её рождения.

Аня остолбенела.

— Ты это сам?

— Стырил дерево на складе. Там всё равно старые ящики стояли, — то ли похвастался, то ли просто сообщил Илья.
— Открой, там ещё.

Девушка осторожно приподняла крышку. Внутри лежала самодельная подвеска – тонкая алюминиевая пластина в форме медиатора, отполированная до практически зеркального блеска.

— Дурной ты, Илья.

Аня шагнула вперёд и крепко обняла парня, уткнувшись ему в плечо.

— Только не реви. А то ещё подумают... чего не надо.

Отстранившись, девушка поблагодарила его и спрятала подвеску в карман. Алюминий был холодным, но почти сразу нагрелся от её рук.

— Праздновать будешь?

— Да. Макс обещал отвести в «Сизиф».

Илья присвистнул.

— Тогда тем более.

Забрав пуховик, шапку и шарф, Аня выскочила из здания учебного центра. Холод ударил в лицо резко. Снегопад оказался гуще, чем утром, а главная площадь – бывший большой круговой перекрёсток, соединявший два огромных проспекта – выглядела как чаша, наполненная молоком. Там, где когда-то стояли дорожные знаки, теперь торчали прожекторы с камерами видеонаблюдения.

Дети бегали по сугробам. Их смех отражался от бетонных стен с небольшим эхом. На противоположной стороне кольца медленно двигался броневик внутреннего патруля, фары которого разрезали вечерний полумрак.

Предновогодняя суэта постепенно заполняла карантинный округ. Местные предприимчивые жители, владевшие частными магазинчиками, ресторанами и барами, старались как можно красивее украсить свои заведения перед праздниками. На фасадах домов то тут, то там виднелись самодельные новогодние приспособления – китайские игрушки и гирлянды не пережили нескольких суровых дальневосточных зим. Вместо них – вырезанные из жестяных банок и дерева звёзды, покрашенные красным и золотым; проволочные ёлки с намотанными на них кусками светоотражающей ленты; старые медицинские лампы, превращённые в уличные фонари с тёплым светом.

Кто-то на балконе второго этажа закрепил целый каркас из лыж и палок, обтянув его прозрачной пищевой плёнкой, а внутри мерцала «ёлка» из обломков микросхем. Ветер покачивал эту конструкцию, а та отвечала тихим, практически стеклянным звоном.

Аня шла через площадь медленно, позволяя снегу оседать на шапке и плечах. Машинально коснувшись кармана пуховика, словно проверяя, на месте ли подвеска, она ускорила шаг.

На краю площади стоял трейлер, в котором продавали местный и привозной чай. Рядом с ним толпилась небольшая кучка людей.

— Слушай, а к торту, как думаешь, какая больше подойдёт? Сливовая или вишнёвая? — донёсся до уха Ани вопрос молодого парня, гулявшего вместе с небольшой компанией.

— Тебе, так-то, ещё детей сегодня укладывать, — мрачно ответила его спутница.

— Понял, спрошу у них.

Та дала ему подзатыльник.

Сразу за трейлером Аня свернула в глухой двор, в котором стояли ржавеющие автомобили. Пройдя пару метров, девушка почти утонула в снегу, но смогла прорубить себе дорогу и то ли дойти, то ли доползти до входа в общежитие.

Поднявшись на свой этаж, Аня открыла дверь.

— Даже если ты не сдала – всё равно поздравляю! — донёсся голос Максима с кухни.

— Сдала! — крикнула Аня, а затем тихо добавила: — Наверное...

Сняв с себя всю верхнюю одежду, она прошла к Максиму.

— Тебе Илья привет передавал.

— Он ещё жив?

Девушка недовольно взглянула на него.

— Эй.

— Ладно-ладно, не кипятись... Сейчас я настойку доварю — пойдём в «Сизиф».

— Настойку? Ты сдурел? Посадят же.

— Ну, если узнают — возможно, — философски ответил парень, продолжая помешивать предательски вкусно пахнущую смесь.

Девушке ничего не оставалось, кроме как цокнуть.

— И вообще... это не настойка, а термостабилизированный ягодный экстракт с незначительным содержанием этанола, — с важным видом изрёк Макс. — Для наружного... и внутреннего применения. Ты же химию изучала, тебе ли не знать!

— Ага, расскажешь. Особенно внутренним.

Квартира стремительно наполнялась густым сладковато-пряным запахом — вишня, сахар и явно что-то хвойное. На подоконнике стояли два термоса. Максим аккуратно процедил жидкость через сложенную вчетверо марлю, разлил настойку по ёмкостям и плотно их закрыл.

— Всё, подарок нам любимым готов.

— Ты серьёзно? А если почует кто?

Макс фыркнул.

— Если патрульный сможет пронюхать сквозь свои баффы и шарфы, что у нас тут ягодный напиток — я в этот же день отправлюсь в учебку, — с долей скепсиса сказал он. — И вообще, тебе же восемнадцать?

— Восемнадцать.

— Вот и запоминай: строгость наших законов компенсируется необязательностью их исполнения. Чуть-чуть нарушать можно, особенно если никто не знает.

Аня ничего не ответила и вышла из кухни.

В спальне царила темнота и стоял приятный запах мягкой ткани одеял, а с кухни доносился аромат настойки. Бросив верхнюю одежду на стул, девушка подошла к огромному шкафу.

Открыв дверцу, Аня внимательно осмотрела гардероб. Внутри висели простенькие свитера и худи, несколько пар джинсов, аккуратно сложенные однотонные футболки, пара осенних ветровок, а рядом повешенное светлое платье, которое Максим когда-то выторговал у одного из солдат внешнего патруля, стащившего его из заброшенной квартиры.

Строго говоря, бойцам категорически запрещалось заходить в здания без приказа — и уж тем более что-то брать оттуда. Тем не менее, солдаты редко когда приходили с пустыми руками, помещая в своих рюкзаках всё, что плохо лежало. Впрочем, то, что лежало хорошо, тоже находило место.

Сев на край кровати, Аня задумалась. «Сизиф»... До восемнадцати попасть туда нереально. А после – нужно приглашение или знакомый, который тебя проведёт. В карантинном округе слагали легенды о ночной жизни в баре: выступления местных музыкантов, вечеринок и авторские коктейли манили своей недоступностью.

Девушка взяла из шкафа платье и осмотрела его в руках. Оно было не столько простым, сколько сдержанным.

Сняв джинсы и свитер, Аня быстро надела платье. Ткань, оказавшаяся холодной, но быстро согревшаяся от её тела, приятно легла на её фигуру, слегка струясь на бёдрах. Проведя рукой по волосам, девушка фыркнула и отправилась к зеркалу. Поправив причёску, Аня критически осмотрела себя. Удовлетворённо хмыкнув, она отправилась на кухню.

Максим, заканчивавший сборы, повернулся на шаги и, на мгновение застыв, улыбнулся.

— Самая красивая виновница торжества во всём округе, — сказал он, рассматривая Аню.

Оглядев девушку с головы до ног, парень кивнул и закрыл рюкзак резким движением руки. Убедившись, что внутри всё стоит плотно, он подхватил сумку и накинул её на плечо.

— Всё, вроде ничего не забыли, — сказал он. — Шапка твоя где?

Аня бросила в него недовольный взгляд.

— Давай-давай, без вот этого мне тут. Не хватало ещё тебе под вечер пневмонию словить, — сказал Максим таким

тоном, после которого Аня поняла, что спорить бесполезно. Послушно натянув шапку и намотав на шею шарф, она позволила парню облачить её в тёплую куртку.

Максим щёлкнул выключателем.

Шагнув за порог квартиры, Аня почувствовала, как холодный воздух подъезда укусил её за лицо. Внизу хлопнула дверь, и по лестничной клетке прокатился гулкий звук удара. Закрыв дверь и убедившись, что всё надёжно, парень коснулся плеча Ани.

На пролёте между этажами тускло мерцала лампочка, а в её жёлтом свете стоял сосед – высокий, чуть сутулый мужчина лет пятидесяти в растянутом свитере и домашних тапках. Опираясь плечом на стену, он держал в руках почти докуренную сигарету и меланхолично смотрел в небольшое окошко на улицу. От него распространялся запах табака, смешивавшийся с запахом дешёвого одеколona.

Услышав шаги, он поднял голову и обернулся. Глаза у него были мутными, но улыбка – тёплая, почти смущённая.

— О, Анна Денисовна и Максим Кириллович... моё почтение... ой, тьфу ты, доброго вечера, то бишь, — путано поздоровался он.

Неловко махнув рукой, пытаюсь изобразить приветствие, он едва не уронил сигарету. Подхватив её второй рукой и икнув, он хмыкнул.

— Здрасьте, дядя Антон, — за двоих поздоровался Макс. — А вы чего такой... весёлый?

— Да с соседом... в нарды играем. З-з-зараза армянская, с детства они там, что ли, играют... — с досадой пожаловался дядя Антон.

Аня хихикнула.

— А вы куда на ночь глядя намылились? — спросил дядя Антон.

— Да так. Отпраздновать день рождения юбилярши идём. Лицо дяди Антона на пару мгновений просветлело.

— Так у вас, Анна Денисовна, день рождения значицца? Девушка смущённо кивнула.

— Поздравляю, получается... ай, зараза, не подготовил подарка... Прости уж дурака старого, ладно? Я попозже вам занесу, — виновато сказал дядя Антон, потушив сигарету о бетонный подоконник.

— Всё хорошо, дядь Антон, — улыбнулась Аня. — Спасибо.

— Макс, можно тебя на пару слов?

Максим посмотрел на Аню и подошёл к дяде Антону поближе, почти вплотную.

— Слушай... Макс... у тебя не будет двух сотен рублей? Парень поднял правую бровь.

— Не-не, ты не подумай, я верну... просто там это... чуть-чуть осталось дожать эту заразу армянскую...

Вытащив из кармана две купюры по сто рублей, Максим протянул их дяде Антону. Лицо того отразило неподдельную радость.

— Спасибо, мил человек! Чесслово, верну!

— Да ладно, не обеднею. Только хату не проиграй, Бога ради, — сказал Максим, прощаясь.

— Типун тебе на язык! — беззлобно отмахнулся дядя Антон, пряча деньги в карман домашних шорт. — Я, быть может, сегодня отыграюсь. Чуйка у меня!

Он подмигнул Ане и сразу же, спохватившись, выпрямился и даже попытался пригладить растрёпанные волосы.

— Ещё раз с днём рождения, Ань. Шоб здоровье было, нервы — как канаты... ну, в общем, всего хорошего против всего плохого.

— Спасибо, — мягко ответила Аня.

Дядя Антон довольно кивнул, достал новую сигарету, но, передумав, спрятал её и вышел с лестничной клетки. Максим осторожно взял Аню за руку и повёл к выходу. Шаги гулко разносились по всему пустому подъезду, смешиваясь с шумом ветра на верхних этажах — кажется, там снова забыли закрыть окно. Сверху донёсся голос дяди Антона:

— Эй, Давид! Куда убрал?! Ставь обратно, рожа армянская!

Максим хохотнул и толкнул тяжёлую железную дверь подъезда. Магнитный замок от домофона уже давно не работал.

Морозный вечерний воздух с готовностью обжёг им щёки и нос. Укутавшись в шарфы, Максим и Аня пошли к бывшему проспекту. Двор уже успели убрать от снега — вернее, вы-

рыть узкую тропинку к входным дверям. С заметённой детской площадки доносился лёгкий скрип качели, едва заметной раскачивавшейся от ветра.

Шаги по тропинке отзывались треском льда. Луна, впервые за долгое время смотревшая на карантинный округ, неярко освещала двор. Звёзды мигали холодным светом, отражаясь в замёрзших лужах и стёклах домов. Аня невольно вдохнула воздух полной грудью: холод колол лёгкие, а морозный запах снега, сухой земли и старой листвы смешивался с лёгким запахом свежего платья, едва слышимым под шарфом.

Проспект, на который они вышли, сразу показался Ане совсем другим миром по сравнению с тихим двором. Широкая улица растянулась вдоль старых домов, среди которых то тут, то там торчали высокие новостройки, коих незадолго до блэкаута повсюду построила всем известная строительная компания.

Мимо них, почти непрерывным потоком, двигались люди: кто-то спешил домой после работы; кто-то просто неспешно прогуливался. В воздухе витал аромат уличной еды, в которой угадывались запахи жареного картофеля, шаурмы и кофе.

Шагая по скользкому дорожному покрытию проспекта, Аня машинально сжала руку Максима. Сквозь плотные варежки тепло его ладони всё равно ощущалось – приглушённое, но уверенное.

По обе стороны проспекта тянулись фасады домов, переживших и свои лучшие времена, и новое время, и блэкаут. На первых этажах обосновались лавки, мастерские и закусочные, открытые местными. Правда, витрины редко были стеклянными, чаще их заменяли либо прозрачный пластик, либо несколько листов толстой фанеры.

Девушка невольно замедлила шаг, всматриваясь в людей, идущих им навстречу. Уставшие, грустные, радостные, озабоченные, сонные лица сосредоточенно шагали в сторону центральной площади. Кто-то нёс какие-то коробки, кто-то — мешки.

На перекрёстке несколько солдат внутреннего патруля проверяли документы у проходящих. Бронежилеты и автоматы казались чужаками в этом, готовящемся к Новому году, мире.

— Молодые люди, разрешите вас? — остановил их один из бойцов. Под его шлемом, забрало которого было поднято, виднелись молодые, но уставшие глаза. Остальное лицо скрывалось под тёплой балаклавой. — Разрешите ваши документы.

Максим протянул их паспорта, всё ещё действовавшие в округе. Молодой солдат взял их, внимательно осмотрел, сосредоточенно просветил каждый ультрафиолетом и, убедившись, что всё в порядке, вернул их парню.

— С днём рождения, — сказал он Ане. Его улыбка была заметна даже через ткань. — Не смеем вас больше задержи-

вать.

Они синхронно кивнули и пошли дальше.

Над проспектом висели растянутые тросы, на которых болтались импровизированные праздничные конструкции. Где-то это были вырезанные из дерева фигуры, а где-то – нечто из алюминиевых и жестяных банок.

С неба падал едва заметный снег, который, тем не менее, скрывал от взгляда фигуры заброшенных новостроек за границами округа. Чем ближе Максим и Аня подходили к северному КПП, тем чётче виднелись пустые глазницы оставленных квартир. Поток людей плавно редел, пока почти полностью не исчез. Уличные фонари, прежде работавшие исправно, теперь через один-два были отключены. То тут, то там появлялись дома, которые так и не были никем заселены.

Чем дальше они уходили от центра карантинного округа, тем сильнее менялся сам воздух. Он становился суше, резче, будто терял всю привычную смесь еды, людей и уютного тепла, освобождая место лёгкому металлическому привкусу – запаху старых конструкций, ржавчины и промёрзшего бетона.

Северные ворота остались в стороне, но их присутствие ощущалось почти физически. Отсюда открывался прекрасный вид на массивную стену Западного карантинного округа – огромную конструкцию размером с семиэтажный дом, с прожекторами, вышками и солдатами патруля.

Максим свернул с улицы, мягко потянув Аню за ладонь.

Асфальт исчез под ногами, а сама дорога уходила вниз между кирпичными стенами старых складов.

Здесь оказалось намного тише.

Шум города остался где-то позади, его заменили резкие звуки порывов ветра, пробежавшего между зданиями, и скрип металлических конструкций, раскачивавшихся под тяжестью намерзшего льда. Когда-то эти территории явно были частью промышленной зоны. Длинные ангары тянулись вдоль переулков ровными рядами. Их стены были изрисованы рисунками уличных художников, нанесённых поверх выцветших табличек с предупреждениями и логотипов компаний. Высокие ворота некоторых складов так и остались приоткрытыми, безнадёжно застряв во льду.

Снег здесь был практически нетронутым. Лишь узкая тропа, протоптанная редкими прохожими, виляла между сугробами, уходя куда-то внутрь промзоны.

Аня поймала себя на том, что невольно прижалась к Максy. Пространство вокруг было слишком широким и... никаким. Даже звуки их шагов звучали совсем иначе, отражаясь от кирпичных и железных стен глухим эхом.

«Химикаты» – прочитала Аня надпись на стене одного из складов. Рядом с ним стоял брошенный погрузчик, почти наполовину скрытый под сугробами.

Чуть дальше, из полуоткрытых ворот одного из ангаров пробивался тусклый свет и, судя по звуку, там работал электрогенератор. Но тропинка напротив вела в обход этого зда-

ния. Пройдя мимо склада, Аня расслышала звук работающей болгарки.

Ветер усилился, пробежал вдоль коридора из кирпичных стен и подхватил сухой снег. Крошечные хлопья ударили по лбу, мгновенно тая на ресницах и веках. Металлические листы на крыше одного из зданий недовольно завывали, проклиная ледяной ветер.

Свет от фонарей практически пропал.

Наконец, тропа вывела их к широкой бетонной площадке, окружённой низкими административными постройками. Небольшая площадь перед ними была очищена почти полностью, а снег образовал огромный сугроб, по которому, при желании, можно было забраться на прилегавший ангар. Чуть левее стояло неприметное здание – двухэтажное, вытянутое, с тёмными окнами и облупившейся штукатуркой.

Кажется, оно заброшено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.